

Содра
ЯСЕНЕВА

РАЗВОД
Да пошлѣй ты!

Софа Ясенева

Развод. Да пошёл ты!

<https://litres.ru/74384787>

Аннотация

— Будешь снова мне вспоминать все грехи, даже те, что не совершал? Не было ничего с Кристиной! Сколько можно? — Я просто вспомнила, что моя помада без запаха. А от этой несёт ванилью за километр. Муж усмехается. Нагло. Беззастенчиво. — А даже если и было. Ну и что ты сделаешь?

С виду мы — идеальная семья: достаток, путешествия, планы на будущее. Но пока я лежала в больнице, мой муж развлекался с секретаршей. Узнав об этом, я потребовала развод. Только тогда я поняла, с кем жила все эти годы. Но теперь я точно знаю, что хочу сказать ему: «Да пошёл ты!»

Содержание

1 Саша	4
2 Саша	10
Визуализация 1	15
Визуализация 2	17
3 Саша	21
4 Саша	26
5 Саша	31
6 Саша	36
7 Саша	42
8 Саша	47
9 Саша	52
10 Саша	58
11 Саша	63
12 Саша	69
13 Саша	74
14 Саша	79
15 Саша	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

1 Саша

Никогда не понимала, зачем выставлять чувства напоказ. Поцелуй — вещь интимная, почти сакральная. Мне бы было неловко, если бы на меня в такой момент кто-то таращился. Как вот я сейчас.

Погодите-ка...

Я прищуриваюсь, вглядываясь повнимательнее. Это что... мой муж?

Ну конечно, это он. Я узнаю тот самый костюм насыщенного тёмно-синего цвета, который мы заказывали на индивидуальный пошив — магазинные ему не подходят: у Жени слишком широкие плечи и при этом узкие бёдра. Да и вся фигура — до боли знакомая, родная.

А стрижка? Совсем свежая, аккуратная — та самая, что я посоветовала. Он тогда даже не спорил, просто доверился, как обычно. Всё в нём — костюм, осанка — подтверждает: это мой муж.

И вот в этот момент внутри меня словно щёлкнуло. Только утром я была в больнице, обсуждала с врачом бессмысленность моего дальнейшего обследования. Уже два года мы не можем зачать ребёнка. Я прошла через всё: от стояния в позе берёзки после каждого секса до отслеживания овуляции по минутам, горстей витаминов, травок и йоги.

Совсем опустив руки, я решилась на полное обследование

— вдруг найдётся причина, которую можно устранить. Ле-
леяла надежду, что после всех анализов и процедур, нако-
нец-то смогу прижать к груди своего собственного малыша.
Но и теперь — ничего. Врачи развели руками: «Александра
Валерьевна, всё в порядке, просто расслабьтесь». Вот только
как расслабиться, когда мечтаешь о ребёнке, и каждые новые
месячные воспринимаются всё болезненнее?

Я уже хотела всё обсудить с ним. Поделиться выводами,
спланировать следующий шаг. Но, как оказалось, он свои
шаги уже спланировал без меня.

Подруга, конечно, предлагала позвонить Жене, предупре-
дить, чтобы сам за мной заехал. Или хотя бы написать. Но
я отмахнулась: мол, зачем срывать его с работы, там и так
всё держится на нём одном. Пусть работает, я сама доберусь.
Женя же у меня ответственный, надёжный. Верный... Ха.

Я перевожу взгляд на его спутницу. Ухоженная, стройная,
в деловом костюме с юбкой-карандаш. Видимо, с работы? Но
то, как Женя прижимает её к себе, лапая за бёдра, — явно не
рабочее и не дружеское. А она, запрокинув голову, обвивает
его шею и лениво царапает затылок.

Они так увлечены друг другом, что не замечают ничего
вокруг. Ни меня, ни прохожих, ни даже бабушку, презри-
тельно цыкнувшую, когда прошла мимо. Господи, насколько
надо потерять связь с реальностью, чтобы так целоваться во
дворе среди бела дня?

Он так уверен, что никто его не заметит и не расскажет

мне? Или думает, что я навеки прикована к койке в больничной палате?

Кстати, раз уж я тут, надо сделать фото — для протокола. А то вдруг он решит включить режим «Что? Где? Когда?», начнёт вертеться, юлить, мол, не было, показалось, у тебя, Саша, перегруз и гормоны шалят.

Достаю телефон и незаметно делаю фото так, чтобы было хорошо видно обоих. Считаю, семейный архив пополнился новым шедевром.

Увеличиваю изображение, убеждаясь, что лица видны отчётливо. Лучше бы не делала этого. Только теперь замечаю, насколько губы у его спутницы неестественно раздуты — прямо вареники.

А ведь он всегда твердил, что ценит естественную красоту. Когда-то я, наивная дура, поделилась с ним идеей немного подкачать губы — не ради чужого одобрения, просто хотелось выглядеть чуть ярче. Он тогда буквально взорвался:

— Ты что! Хочешь быть похожей на этих силиконовых кукол? На женщин, которые торгуют внешностью?

Мда. А сейчас, видимо, ему срочно понадобилась одна из этих кукол в личное пользование. Или он просто решил расширить свои эстетические горизонты.

Тем болезненнее видеть, с кем он теперь. Его новая избранница — воплощение всего, что он якобы презирал. Ну что ж, вкус — дело наживное.

Выходит, пока я лежу в больнице, пытаюсь разобраться,

почему у нас не получается зачать ребёнка, он развлекается с ней — возможно, прямо в нашей постели? А сам тем временем даже не удосужился сдать спермограмму, упрекая меня в том, что я «сомневаюсь в его мужественности».

Что ж, очень интересная картина. Прямо-таки натюрморт с предательством и варениками.

Тем временем парочка, не торопясь, направляется к машине. Он открывает ей дверь, помогает сесть — какой галантный! — потом сам садится за руль. Я уже надеялась, что на этом спектакль закончен... но нет. Они продолжают целоваться в машине. В машине, Карл! Прямо посреди двора!

Интересно, он ей тоже затирает про женственность, материнство и духовную близость? Или сразу к делу — на заднем сиденье и поехали?

Женя перетягивает её на себя верхом, задирает юбку на талию...

— Вам дома секса не хватило, что ли? Обязательно устраивать эротическое шоу посреди двора, на радость бабушкам и детям? — шепчу себе под нос, кипя от ярости.

Ну а что я им скажу? Проглотить? Промолчать? Вернуться домой и сделать вид, что ничего не видела?

Нет. Не сегодня. Пусть хоть раз ему будет неловко.

Решительно подхожу к автомобилю, сжав кулаки так, что ногти врезаются в ладони. Стук — один, второй — в стекло водительской двери. В салоне нервно дёргаются, Женя оборачивается. Его глаза расширяются в панике.

Привет, дорогой. Сюрприз. Весна — время разоблачений.

Мои хорошие,

Рада видеть вас в своей книге♥#

Пожалуйста, если история вам нравится, не забывайте добавлять ее в библиотеку ## и ставить звездочку##, а также подписывайтесь на автора, чтобы быть в курсе новостей!

Разво

В тексте

сильная

измена

 51

В процес

Обновле

Общий р

2 Саша

В одно движение его подстилка оказывается на соседнем сиденье. Машина стоит у самого подъезда, припаркованная почти идеально, как всегда — Жене не занимать педантичности. Яркое солнце бликует на лобовом стекле, превращая его в зеркало, в котором я на секунду вижу своё хмурое отражение. Во дворе пахнет горячим асфальтом и пылью, в воздухе висит ощущение полуденной лени — обычный тёплый день, когда и муха летать не хочет. Возле лавочки старая соседка Полина Григорьевна подкармливает голубей, кидая им куски чёрствого хлеба, а в песочнице визжат дети. И на этом фоне — машина с двумя целующимися внутри. Как заноза в пальце: вроде мелочь, а бесит невероятно.

Девушка внутри машины явно недовольная тем, что их прервали, надменно дует губы, в полголоса выговаривая что-то пока ещё мужу. Она по-деловому поправляет локон, откидывает его назад и бросает взгляд в сторону, будто я — грязь на ботинке. Но вместо того, чтобы уделить внимание своей спутнице, Женя хмурит брови, в уголках рта появляются носогубные складки — явный признак того, что он напряжён. Я читаю по губам его короткий, отрывистый приказ: — Сиди внутри. Не вздумай выходить.

Сказано с той же интонацией, как будто командует дрессированной собакой. “Сидеть!”. Но девушка явно не рада

такому обращению. Она злобно зыркнула на меня, с досадой потянула свою юбку вниз по бёдрам, нервно отогнула козырёк и принялась с показной серьёзностью рассматривать своё отражение в зеркальце. Подкрашивает губы, разглядывает ресницы — старается выглядеть безупречно, будто надеется на продолжение.

Я не успеваю рассмотреть большего, потому что дверь машины резко распахивается, и Женя выходит ко мне. Его шаги быстрые, решительные, каблуки ботинок гулко стучат по асфальту. Не говоря ни слова, он резко хватает меня за локоть, словно боится, что я прямо сейчас закачу скандал, и тащит в сторону подъезда. Я, застигнутая врасплох, пару шагов послушно иду, пытаюсь справиться с потоком мыслей, но уже на третьем шаге спохватываюсь, скидываю его руку и останавливаюсь, как вкопанная.

— Идём! — бросает он, нахмурившись, его голос — резкий и грубый.

— Ещё чего! Я с тобой никуда не пойду.

Соседка, словно почувствовав неладное, замерла с кусочком хлеба в руке и уставилась на меня. Мама у песочницы замолчала, переглянувшись. Один ребёнок громко спросил: «Мама, а почему тётя кричит на дядю?».

— Александра! — взрывается он. Любимый приём — крик. Работает отлично в офисе, когда надо приструнить подчинённых, но на меня это не действует. До этого момента я слышала этот тон только во время его рабочих созвонов.

— И зачем так кричать? Я не глухая. Да и чего стесняться-то? Вон, показывать зад своей любовницы вам было очень даже комфортно.

— Она не моя любовница! — теперь он почти шипит, злоба в голосе с трудом сдерживается.

— Так просвети меня, как я могу ещё назвать женщину, с которой ты считаешь нормальным зажиматься прямо во дворе нашего дома?

— Это Кристина, моя... секретарь, — говорит он, будто выдавливая из себя это слово, неохотно и натянуто. А у меня сразу в голове всплывает огромный знак вопроса.

Десять лет брака — и вдруг у него секретарь? Я впервые об этом слышу. Вот так сюрприз!

— Ты меня за дуру держишь, Жень? Не было у тебя никакой секретарши никогда.

Я бросаю взгляд в сторону машины. Кристина, не скрываясь, смотрит прямо на меня, глаза в глаза, с прищуром. Явно прикидывает, на сколько баллов по её шкале тяну. С собой сравнивает. Интересно, какие истории он ей наплёл про меня.

— Вообще-то... была.

— И я об этом узнаю только сейчас? А в чём проблема была рассказать?

— Так надо было! Чтобы вот этого избежать, — рывкает он и с силой машет рукой в сторону машины.

— Знаешь, мне что-то расхотелось разговаривать с тобой.

Тем более в таком тоне. Надеюсь, Кристина тебя приютит у себя. Потому что дома я тебя видеть не хочу.

Я разворачиваюсь, решительно направляясь к подъезду. Ключи уже в руке, но не успеваю поднести таблетку к домофону — он опять хватает меня за руку. Так сильно, что возможно останутся синяки.

— Малышка, не дуйся, я всё тебе объясню. Ты себя накрутила, придумала себе невесть что, но это была полностью её инициатива.

На секунду закрадывается мысль — а может, я и правда накрутила? Может, это и правда какое-то недоразумение? Но тут же всплывает довольное лицо Кристины, его руки на её талии. Нет. Не накрутила. Я просто наконец увидела всё, что раньше отказывалась замечать.

— Мне что, радоваться этому? Что взрослый мужик ведёт себя, как телок на привязи? У кого поводок в руках, за тем и идёт?

Женя резко меняется в лице. Вежливость испаряется, как вода на раскалённой сковородке. На её месте — тот самый командный тон, с которым он разговаривает с менеджерами, когда те косячат с бюджетами.

— Иди домой и жди меня. Я отвезу Кристину, потом вернусь. Поговорим. Заканчиваем с выступлением перед соседями. Всё.

И прежде чем я успеваю хоть слово вставить, он с невозмутимым лицом шлёпает меня по попе. Будто у нас всё в по-

рядке. Будто это милый, игривый жест, а не издевательская точка в этом фарсе.

От неожиданности я застываю. А потом медленно поворачиваюсь, чувствуя, как по щекам начинает подниматься жар. Но не от смущения. От злости.

В какой момент мы свернули не туда? Это сейчас вообще что было?

Ну нет. Я может и была в браке десять лет, но тряпкой так и не стала.

Визуализация 1

Александра Баренцева, 30 лет

Парикмахер. Все свободное время посвящает семье.

Очень хочет малыша.

Визуализация 2

Евгений Баренцев, 35 лет

Менеджер высшего звена в крупной корпорации. Любит непредсказуемость, но вместе с тем педантичен. Хочет взять от жизни по максимуму: чтобы у него всё было и ему за это ничего не было.

the 'information' and 'communication' fields. The 'information' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'communication' field is defined as:

...the study of the processes of communication production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information science' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information studies' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information science' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information studies' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information science' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information studies' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information science' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information studies' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information science' field is defined as:

...the study of the processes of information production, distribution, access, use and evaluation, and the study of the social, cultural, economic and political contexts in which these processes take place. (p. 10)

The 'information studies' field is defined as:

Напоминалочка:

Пожалуйста, если история вам нравится, не забывайте добавлять ее в библиотеку ## и ставить звездочку##, а также подписывайтесь на автора, чтобы быть в курсе новостей!

Разво

В тексте

сильная

измена

 51

В процес

Обновле

Общий р

3 Саша

Захожу домой и ставлю сумку с вещами у небольшого комода сразу у входа. Разберу потом, сейчас совсем не до того. Стены родной квартиры встречают меня гулкой тишиной, которая давит на уши сильнее, чем все разговоры в палате. Тишина, в которой вдруг слышно слишком многое — предательство, одиночество, разочарование.

Если честно, я ведь по наивности надеялась: приду домой, наберу горячую ванну с пеной, включу плейлист с джазом, закажу роллы, потом завернусь в плед... Сделаю вид, что всё хорошо. Что не было этих стен, пахнувших больничным антисептиком, не было взглядов, полных сочувствия, не было разговоров про то, кто сколько пытался забеременеть и чем это кончилось.

Особенно тяжело было слушать двух девушек с выкидышами. Их горе витало в воздухе, цеплялось за постельное бельё, за тумбочки, за скомканные салфетки, спрятанные под подушкой. А третья, такая же как я, с диагнозом "непонятно почему не получается", была как моё отражение. Мы с ней даже особо не разговаривали — слишком хорошо понимали друг друга и без слов.

Не в последнюю очередь из-за этого я и решила сбежать оттуда пораньше. Хоть немного сохранить здравомыслие.

Нет, соседки были чудесные. Просто каждый раз, когда

открывался рот, из него вылетала боль. Не шутка, не сплетня, не обсуждение какого-нибудь фильма — только боль. Как будто мы были не в палате, а в клубе по интересам "Потерянные надежды".

А теперь... Честно, не знаю, с чего начать. Собирать Женины вещи и швырнуть ему чемодан под ноги? Или вымыть всю спальню с хлоркой, чтобы выветрить из простыней запах дешёвых духов его Кристины?

Мерзость. Просто мерзость.

И ведь что бесит — он, небось, даже не считает себя виноватым. У него, видите ли, потребности. Секс нужен, как воздух. Я-то в больнице, но это ведь не повод переставать заниматься сексом, правда? С кем — да неважно. Главное, чтобы ему было хорошо. Наверное, он думал, что имеет право.

Да плевать мне, как у них, мужчин, там устроено. Почему, когда у женщины нет секса в браке, никто не говорит: "Ой, бедняжка, найди себе любовника, твоё здоровье дороже!""? Потому что это звучит дико. А у мужчин — пожалуйста. У них, значит, физиология. У нас, выходит, терпение и смирение.

Что это вообще за двойные стандарты? Очень удобно, конечно. Это не он — кобель. Это его гормоны. Это не он предал. Это его инстинкты. Хочется взять и прописать по физиономии всем кто оправдывается таким образом.

Я иду в спальню и на мгновение замираю у двери. Комната встречает меня всё той же картинкой: нейтральный свет, за-

шторенные окна, привычный запах нашего белья и немного Жениного одеколона. Постель заправлена. Не слишком аккуратно, но я особо и не ожидала от Жени, что не будет ни складочки на покрывале. Подхожу и снимаю его. Не знаю, что ищу... Просто методично осматриваю всё: подушки, одеяла, простыни. Поднимаю матрасный угол, заглядываю между щелями у изголовья. Машинальные движения. Не дай бог, конечно, что-то найти. Но и не найти — тоже невыносимо.

И вдруг — там, у самой кромки кровати, где обычно лежит моя подушка, торчит что-то белое. Придвигаюсь ближе, достаю. Салфетка. Скомканная и сухая, но с явным пятном от помады. Пахнет чужим парфюмом. У меня такого нет. Узнаю теперь из тысячи его. Терпкий, сладковатый, приторный — запах дешёвого соблазна.

Сжимаю эту салфетку в кулаке так, что побелели костяшки пальцев. Хотела бы выкинуть. Или порвать. Или сжечь. Но пока просто стою и смотрю на неё, как на улику. Неопровержимое доказательство Жениной измены, забытое в спешке.

Не просто догадка, не просто случайно подсмотренный поцелуй. А факт, материальный, мерзкий и откровенный. Он привёл её сюда. В нашу спальню. На нашу постель. Пока я лежала в больнице.

Меня трясёт. Каждая клеточка внутри сопротивляется — то ли истерике, то ли ярости. Но слёзы не идут.

Я скидываю подушки, одеяла, срываю простынь с кроватей.

ти, кидаю всё на пол и просто топчусь на этом, давая выход эмоциям. Бессмысленно, по-детски, но иначе я просто взорвусь. Механически, с яростью, будто хочу раздавить всё, что осталось от их близости.

После этого обессиленно опускаюсь на край кровати. В груди глухо гудит. Такая вдруг слабость накатила... Даже страшно. Только что казалось — ещё секунда, и разнесу весь дом, а теперь вот — полное бессилие. Пустота.

А мне ведь ещё с Женей говорить.

Дрожащими пальцами набираю номер Инны.

— Ты дома? — голос у меня будто чужой, глухой и надтреснутый.

— Дома. Ты уже приехала? Всё в порядке?

— Инн, приходи ко мне с ночёвкой... Пожалуйста.

Она замолкает на пару секунд.

— Ты же только выписалась... У вас должен был быть семейный вечер.

— Ой... Инн... Тут такое, — нервно хихикаю. Смех выходит сорванный, хриплый, почти истеричный.

Инна мгновенно всё понимает:

— Я Ваньку оставлю Денису, как он с работы придёт. Часам к шести буду.

Я киваю, хотя она этого не видит, и отключаюсь. Потом медленно собираю всё с пола, загружаю в стиральную машину. Пока та бодро крутит барабан, я мою полы в спальне с большим количеством специального средства с сильным за-

пахом лимона, потом прохожусь по шкафам, протираю пыль на полках. Движения становятся ритмичными, почти медитативными. Перехожу в гостиную, потом на кухню. Протираю каждую ручку, каждый угол, как будто вместе с грязью могу стереть то, что случилось.

Домывая прихожую, пячусь назад и вдруг упираюсь спиной во что-то твёрдое и тёплое. Оборачиваюсь — и прямо передо мной Женя. Он стоит, глядя на меня сверху вниз. И всё, что я успеваю заметить — это как недвусмысленно напряжено всё в районе его ширинки. То самое, что мне так хочется оторвать к чертовой бабушке.

4 Саша

— Сашуля, я конечно знал, что ты у меня огонь! Вот так встреча, каждый раз бы так, — голос Жени звучит с наигранной теплотой, пока его глаза жадно скользят по моим ягодицам, и он позволяет себе наглую вольность — сминает их ладонями, как будто мы не на грани развода, а играем в страстную семейную ролевую игру.

Я отскакиваю в сторону. Тряпка, которой только что вытирала пол, с размаху шлёпает его по рукам.

— Ты чего, тряпкой в меня?! Совсем с ума сошла? — Женья смотрит на свои ладони с видом, будто я облила их кислотой.

Встряхивает руками брезгливо.

— Руки убрал! — рывкаю я, сдерживая желание двинуть чем-нибудь потяжелее.

— Не остыла ещё? Ну сколько можно дуться, — он изображает усталое разочарование и театрально разводит руками, будто я истерю на ровном месте.

— У тебя мозги в трусы что ли утекли, Баренцев? Я и не собираюсь остывать! Сейчас уберу тут всё и вещи тебе в чемодан сложу. Или, если хочешь, сам давай. И поскорее с моих глаз к своей Каролине топай!

— Она Кристина, — поправляет он, но уже тише, понимая, что нарывается.

— Да хоть королева Виктория!

Он фыркает, разворачивается на каблуках начищенных мной ботинок и идёт в ванную. Я слышу, как включается вода, и понимаю — начался ритуал очищения. Женя всегда был помешан на чистоте. словно не человек, а реклама антисептика: руки моет по двадцать раз на дню, при этом закатывая глаза на всех, кто позволяет себе прикоснуться к лицу без предварительной дезинфекции. Касание грязной тряпки для него сродни контакту с радиоактивным веществом.

Его даже ковид не застал врасплох: пока другие скупали гречку, у Жени уже были стратегические запасы масок, перчаток и санитайзеров. Наверное, он мечтал, чтобы мир навсегда остался в изоляции, где не надо прикасаться к людям. Особенно к тем, кто способен дать ему тряпкой по рукам.

Когда он возвращается из ванной, с вымытыми до скрипа руками, лицо его снова светится уверенностью. Жене в принципе не свойственно долго чувствовать вину. Да что там, он вообще не считает себя виноватым в абсолютном большинстве ситуаций.

— Послушай, — говорит он, усаживаясь в кресло и скрепя ноги. — С Кристиной всё не так, как ты думаешь. Её руководство навязало. Понимаешь? У нас начались частые встречи, клиентов стало больше, я зашивался. Два раза путал время. Владлен Анатольич психанул: "Либо берешь секретаря, либо ищи себе другое место!" Что мне было делать? Отказываться? Ты представляешь, сколько я приношу ком-

паний? Сколько приношу нам в семью?

Он разводит руками, глядя на меня так, будто говорит очевидные вещи.

— Мы стабильно два раза в год ездим отдыхать. Не абы куда, а туда, куда хотим. Ни в чем себе не отказываем. Отели — пятёрки, не меньше. Не то что раньше — Египет и три звезды, зато по скидке. А сейчас? Ты вспомни, как мы жили. Моя зарплата позволяет тебе не думать о ценах. Ты же не хочешь обратно в общагу с тараканами?

Я молчу. Потому что да, он прав. Финансово с ним было хорошо. Комфортно. Моя зарплата парикмахера позволяла бы оплачивать только коммуналку да раз в месяц маникюр, поскольку работала я не больше трех часов в день. Всё старалась больше времени уделять семье. Всё остальное — его вклад.

Но высокий доход не выдает индульгенцию на измены. Не делает тебя автоматически хорошим мужем. Не обнуляет предательство.

— Ты серьёзно сейчас? — я хмыкаю. — То есть ты мне предлагаешь закрыть глаза на всё, только потому, что мы летаем бизнес-классом?

Он фыркает:

— Да ты сама не знаешь, чего хочешь. Ладно, хватит истерик. Хочешь — ищи доказательства, мне скрывать нечего.

Я развернулась и пошла в спальню. Через минуту вернулась с салфеткой в руке.

— Вот. Нашла за изголовьем. Помада. Не моя.

Он берёт салфетку, щурится:

— Это твоя. Саш, ну вспомни. Мы тогда от Логиновых вернулись, ты была вся накрашенная, при параде. Мы с порога друг на друга накиннулись. Ты сама стерла помаду, чтобы постель не запачкать. Салфеткой. Вот этой.

Я напрягаюсь. Вспоминаю. Да, что-то такое было... Но я точно выкидывала ту салфетку. Не прятала её в щель за подушкой.

Он видит мою паузу и сразу перехватывает инициативу:

— Вот, я же вижу, ты помнишь! Будешь снова мне вспоминать все грехи, даже те, что не совершал? Не было ничего с Кристиной! Сколько можно?

Он встаёт, бросает салфетку на стол, будто поставил точку. Уверенный, спокойный. Как будто только что не выкручивался, а доблестно защищал честь семьи.

И именно в этот момент мне звонит Инна.

— Саш, я не смогу прийти. Ваньку вырвало прямо на диван. Температура под сорок поднялась. Прости меня, пожалуйста... — голос подруги тревожный, и я сразу понимаю: ей правда жаль. Но что поделать — дети важнее. Я бы поступила так же.

— Всё нормально. Держись, — выдыхаю. — Звони, если что.

Я кладу трубку и сажусь на диван. Усталость наваливается, как бетонная плита. И вдруг, как вспышка, в голове про-

ступает одна деталь.

Женя — педант. Брезгливый до маниакальности. Противит руки санитайзером после рукопожатия. От отельных полотенец ворочит нос, если они не выглажены. Он не переносит запах косметики. А помада на этой салфетке — яркая, с сильным запахом ванили. Я точно помню: от той, моей, запаха почти не было. Именно поэтому я её тогда и купила — чтобы не раздражать его.

Значит, это не моя салфетка. Не мой след.

Я медленно поднимаю взгляд. Женя уже копается в сумке, будто ничего не произошло.

— Ага, — говорю тихо. — Врёшь.

Он поворачивается, держа в руках свой несессер, и встречается с моим взглядом. А я уже встала. И у меня в руке — эта самая салфетка.

— Слушай, — он моргает, сдерживая раздражение, — ты чего опять?

— Да так. Просто вспомнила, что моя помада без запаха. А эта — воняет ванилью за километр.

Сую ему под нос салфетку, и, ожидаемо, он неосознанно отпрянул от нее.

Пауза. В тишине только моё сердце грохочет, как отбойный молоток.

А он... усмехается. Нагло. Беззастенчиво. Медленно кладёт несессер в сумку, выпрямляется.

— А даже если и было. Ну и что ты сделаешь?

5 Саша

— Женя, ты серьёзно сейчас?

Я прищуриваюсь, сдерживая дрожь в голосе. Обстановка напряжённая: даже часы на стене тикают слишком громко.

— Ну да, — он делает вид, что недоумевает. — Кто оплачивал все твои дорожные анализы? Всех врачей? Клинику эту твою, в которую тебя по знакомству устроили?

— Ты меня попрекаешь тем, что я усиленно занималась проблемой здоровья? — голос мой срывается, и я машинально вцепляюсь в косяк, чтобы обрести точку опоры.

Он делает шаг ко мне, но я отступаю.

— Детка, — говорит он мягче, словно уговаривая, — ну конечно нет. Просто констатирую факт: ты от меня зависишь. Это не упрёк. Просто... ты сейчас сама себя накрутила. Завелась. На пустом месте.

— На пустом?! — я вскидываю брови. — Женя, я своими глазами тебя видела. Ты трогал её. Думаешь, я слепая?

— Это всё твоя Инка! — он начинает повышать голос. — Она тебя подзуживает, как всегда. Говорю же, от неё один негатив. Из-за неё у тебя паранойя. Ещё немного — и мы реально дойдём до развода, если ты не одумаешься и не перестанешь её слушать.

Он вдруг хватает меня за локоть и вкрадчиво говорит:

— Клянусь, Саша, ничего у меня с Кристиной не было.

Это всё ты себе придумала. Ничего, кроме того что ты видела у подъезда.

Я молчу. Смотрю на него и пытаюсь вспомнить, был ли он когда-то замечен в чём-то подобном? Нет. До сегодняшнего дня — нет. Всегда возвращался домой вовремя. Не задерживался. Телефон не прятал. А может я просто не замечала?

Я провожу ладонью по лбу. Мне нужно время. Нужно перетрясти в голове всё, что было. Все мелочи, поводы для сомнений, моменты, когда что-то казалось странным. Сейчас доказательств маловато. Только ощущение предательства. И салфетка.

Кстати, где она?

Я оборачиваюсь к столу — пусто. Салфетки нет. Наклоняюсь, заглядываю под стул — ничего. Неужели он...?

— Женя, это ты убрал салфетку?

Он поворачивается ко мне, хмурится.

— Какую ещё салфетку?

— Ту самую, с помадой. Я только что тебе её показывала.

— Ты, может, сама куда-то сунула, а теперь ищешь, — отвечает он небрежно и уходит из кухни, будто его это не касается.

Подхожу к мусорке — пусто. Спрятал что ли? Куда он мог её деть? В карман?

Он считает, что я накручиваю себя. А сам — замечает следы. Сжимаю зубы. Всё это не просто совпадения. Но пока у меня нет прямых улик. Придётся подождать. Собрать фак-

ты. И накопить немного денег. Чтобы в нужный момент — уйти. С достоинством.

А если я уйду сейчас, с чем я останусь? Ни копейки на счёте, никакой подушки безопасности. Всегда была беспечна — верила, что близкие не предадут. Доверяла Жене безоглядно, никогда не лезла в его переписку, не спрашивала, куда он тратит деньги. Считала это нормой, ведь у нас была семья, любовь, общее будущее. Но, видимо, это всегда и было моей главной ошибкой. Я не привыкла стелить соломку. Не училась держать руку на пульсе. Жила в иллюзии. И теперь приходится просыпаться.

Надо быть умнее. Надо дождаться момента, когда он не сможет отбрехаться. И тогда — тогда я уйду. Навсегда.

Телефон мужа звонит. Слышу, как Женя берёт трубку в коридоре. Говорит что-то тихо, потом возвращается ко мне с телефоном в руке.

— Это мама. Говорит, хочет с тобой поговорить. Я поставлю на громкую, ладно?

Не дожидаясь ответа, он поворачивает телефон ко мне. На экране появляется лицо свекрови. Она, как всегда, с идеальной укладкой и серьёзным выражением лица. Голос в противовес мягкий, но с нотками укоризны. Такой, каким ругают провинившихся малышей в надежде образумить.

— Александра, ну вы что там опять не поделили? Женечка мне сказал, что ты снова себе что-то придумала. Я понимаю, ты волнуешься за здоровье, молодец, конечно. Но за-

чем же мужа в измене подозревать? Это ведь просто обидно.

Я киваю, сдержанно улыбаюсь, а внутри всё сжимается. Свекровь всегда держалась нейтралитета, не лезла в наши дела. Но сейчас... Сейчас она встала на его сторону, даже не выслушав меня.

— Мы ничего не делим, Светлана Николаевна, — говорю я спокойно. — Разве что вашего сына с секретаршей, как оказалось.

— Ну что ты, — наигранно удивляется она. — Не надо устраивать трагедию из мелочей. Женечка у тебя чудесный. Работает, обеспечивает. Разве не это главное?

Я чувствую, как кровь приливает к щекам. Чудесный? Обеспечивает? А что насчёт уважения? Честности?

— Спасибо за мнение. Извините, мне нужно идти, — отвечаю я и нажимаю кнопку завершения звонка.

Женя смотрит на меня исподлобья.

— Ну что, полегчало? Тебя все услышали. Может, теперь успокоишься?

Меня просто не хотят слышать, четко понимаю. Поэтому скрываюсь на балконе в надежде применить все дыхательные практики разом.

Вечером Женя деловито хлопочет на кухне. Достает из пакетов суши, аккуратно перекладывает их на тарелки, ровняет палочки, поправляет уголок скатерти. На столе всё выверено до миллиметра: стаканы выстроены в линию, салфетки сложены уголком. Он не просто старается — педантично

контролирует каждую деталь, как будто этим может стереть напряжение между нами.

— Давай не будет делать нервы друг другу. Я вот заказал твои любимые с креветками. Давай просто... как раньше, — произносит он почти ласково, но с неискренней улыбкой, как будто репетировал эту фразу.

Я отвожу взгляд, смотрю в окно.

Женя садится рядом, демонстративно расслабляется, откидывается на спинку стула, прикрывает глаза:

— Малышка, ты так и не рассказала самого главного, что говорят врачи?

Он словно ставит точку этим вопросом. Для него конфликт завершён. Никакой вины, никакого сомнения. Он верит, что одного ужина и пары слов достаточно, чтобы стереть то, что было.

А я — нет.

Я не успокоилась. Мне нужно накопить немного денег. Проверить старые счета. Найти папку в шкафу, где, кажется, ещё остались копии всех документов. И внимательно проследить: как часто звонит Кристина, какие пароли у него от ноутбука, куда он ездит по вечерам, когда говорит, что встреча с клиентом.

6 Саша

— Врачи не нашли никаких причин, которые мешают мне забеременеть, — говорю я Жене, стараясь озвучить информацию максимально спокойно. Хотя на самом деле говорить об этом больно до дрожи. — Посоветовали меньше стрессовать и перестать заикливаться на беременности.

Он фыркает:

— Конечно. Не нашли. Как всегда. Безголовые врачи.

— Жень, но ведь правда, стресс и психологические проблемы могут влиять. Об этом говорят все.

— Да много они знают!

— Но какая теперь разница? — тихо говорю я, пытаюсь свернуть разговор, который уже перестал быть актуальным.

— Что значит какая разница? — Женя смотрит на меня зло.

— Во-первых, ты отказываешься признать, что проблема может быть в тебе. Я хожу по врачам. А ты — нет. Ты вообще отказываешься сдавать анализы. Хотя в сорока, а то и в пятидесяти процентах случаев дело в мужчине.

— Ну конечно. Нашлись знатоки. Британские учёные?

— Почему сразу британские? Обычные врачи. Наши.

— Всё. Закроем тему.

— Закроем — так закроем, — говорю. — Во-вторых, нам это больше не нужно.

— Даже не думай!

— Нам действительно это больше не нужно. Кричи — не кричи. Я не считаю, что ребенок в нашей ситуации что-то мог бы исправить. Поэтому я хочу отложить для себя вопрос с беременностью.

— Закроем тему, сказал.

— Конечно. Потому что ты всегда закрываешь тему, когда становится неудобно о чём-то говорить, — не удерживаюсь от шпильки в адрес мужа.

Он молчит. Только затягивается сигаретой и уходит на балкон. А я иду в ванную, включаю душ. Но не для того, чтобы мыться — просто чтобы заглушить всхлипы.

Мне срочно нужно собраться, не время расклеиваться. Но всего минуту я даю себе на то, чтобы выпустить эмоции.

На следующее утро я как обычно на работе. Первая клиентка из постоянных — женщина около сорока, ухоженная, аккуратно уложенные волосы с лёгким мелированием, маникюр свежий, макияж безупречный, ни одной случайной детали. Я сразу замечаю — брови выведены филигранно, свитер яркий, но подобран со вкусом. Такая, что точно знает, чего хочет.

Она садится в кресло и смотрит прямо на меня.

— У вас сегодня лицо такое... — говорит она, чуть прищурившись. — Всё в порядке, Саша?

— Да, конечно, — говорю я, натягивая улыбку.

Сама отвожу взгляд в зеркало. Что я там вижу? Фигура

стройная, без особых излишеств, вполне себе спортивная. Ноги длинные, талия есть. Грудь небольшая, но форма хорошая, аккуратная. Лицо... Лицо мне всегда нравилось. Немного крупноватый лоб, зато ровный нос, выразительные глаза, губы чуть тонковаты — в целом всё гармонично. Волосы ухоженные, густые, с живым блеском. Я не модель с обложки, но и не серость. Достаточно ухоженная, слежу за собой. Вот чего ему не хватало?

Клиентка снова заглядывает мне в глаза через зеркало:

— Проблемы в семье?

Я не отвечаю. Всегда приветливая, сегодня я чувствую себя морально выжатой, чтобы поддерживать беседу, да ещё на такую болезную тему.

— Мужчины, конечно, бывают... — произносит она задумчиво. — С виду приличные, а потом узнаешь — гулял годами. Будь ты хоть самая красивая и верная, а если предатель внутри сидит — найдёт повод.

— Да-да, согласна, — говорю я, кивая, будто разделяю её мнение.

А сама думаю совсем о другом. Иногда ты действительно чувствуешь — нутром, спиной, кожей ощущаешь, что что-то не так. Но продолжаешь жить, улыбаешься, обедаешь за одним столом, строишь планы. Притворяешься, что не замечаешь очевидного, лишь бы не рушить привычное. Потому что страшно. Потому что больно признать, что самый близкий человек может предать.

После всех клиентов стучу в дверь и заглядываю к Ирочке, владелице салона. Она поднимает глаза от экрана, кивает, приглашая войти. Её кабинет — маленький островок уюта среди суеты. Здесь всегда пахнет свежемолотым кофе и чем-то цветочным. Маленький диванчик с пледом стоит у окна, стол с аккуратно разложенными папками и цветными стикерами, кофемашина в углу. На подоконнике — ваза с живыми цветами, которые она приносит каждое утро.

Ира сидит в очках, чуть сдвинутых на кончик носа, но, заметив меня, снимает их и улыбается — так, что сразу становится чуть легче. Вот за это я её и люблю — чуткая, но не назойливая. Начальник, как говорится, от Бога.

— Ириш, я хотела бы попросить больше смен. И в выходные тоже, если получится.

Она откладывает очки, поворачивается ко мне и внимательно смотрит.

— Ого. А это что за поворот? Ты же всегда за то была, чтобы оставалось время на семью.

Я сажусь на диван, беру подушку и обнимаю её, чтобы занять руки.

— Я и сейчас не против. Но... деньги нужны.

— У Жени что-то случилось на работе?

— Нет. Всё нормально.

— Что-то ты темнишь, Саш. Точно всё хорошо?

Я молчу пару секунд. Как хочется сказать: «Нет, Ира. Всё не хорошо». Но я не говорю. Потому что знаю — сама се-

бя должна вытаскивать. Родители далеко. И не спасут. Они только добавят соль на рану. У них помощь — это ткнуть в ошибки, приправить упрёками, а потом повторить по кругу.

— Всё хорошо, — говорю. — Просто хочу больше работать, дополнительный доход никогда не бывает лишним.

Ира внимательно смотрит на меня пару секунд. Потом кивает и улыбается:

— Ладно. Дам тебе смены в выходные. Если вдруг переборщу, маякни.

Вот за это я её и люблю. Всегда старается понять, не лезет с расспросами, если видит, что не хочу говорить. С ней легко. Уважает нас как профессионалов, но и как людей тоже. У неё не салон, а второй дом.

— Спасибо, — говорю я. — Правда, спасибо.

Когда я возвращаюсь домой, Женя встречает меня у двери с сияющей улыбкой.

— Детка, я тут такое придумал! — не скрывая энтузиазма, шумно хлопает дверцей холодильника и ставит на стол бутылку минеральной воды. — Ты, наверное, у меня очень устала. Я взял нам за городом домик на выходные. Проведём время вместе, как раньше. Только вдвоём. Массаж тебе сделаю, в баньке попаримся, шашлычки.

Он подходит ближе, тёплая ладонь скользит по моей спине. Я чувствую, как он заглядывает мне в лицо, высматривая реакцию.

— Как тебе идея? Поедем завтра?

Как бы хотела поверить, что он это делает потому, что любит. А не потому, что хочет загладить вину. Или отвлечь. Или избежать разговоров на неудобную тему.

— А работа? — спрашиваю.

— Ну, один раз можно и взять отгул. Я всё решу.

Обнимает меня. А я стою, не зная, как реагировать. Женя бывает вспыльчив. Нет, он никогда не поднимает руку — не в его стиле. Но я уже поняла: идея с разводом мгновенно выводит его из себя. Поэтому стараюсь максимально быстро взвесить последствия любого из своих решений.

7 Саша

Раньше мне и в голову не приходило, что муж может от меня что-то скрывать. Да и мыслей об измене не возникало. Был такой период счастливого неведения — наивного, тёплого, даже в чём-то умиротворяющего. Я жила в уверенности, что нас ничего не может разлучить. Возможно, это и была моя ошибка — считать стабильность вечной. Возможно, он и дольше продолжался бы, если бы не случай.

Я отношусь к тем женщинам, которые предпочитают быть действительно "за мужем", чувствовать опору, защищённость. Для меня это было не просто удобно — это казалось единственно верным способом существования в браке. Мы же семья, одно целое. Я воспринимала наш союз как нечто нерушимое, как дом, в котором муж — стены, а я — обеспечиваю уют внутри. Это всё идёт из моей семьи: мама была примером женственности, покорности, уюта. Совсем не эмансипированная женщина, и уж точно не феминистка. В нашем доме царил классический домострой, и мне в этом было спокойно.

Поэтому, когда я выходила замуж, я подсознательно искала именно такую модель: надёжного, взрослого мужчину, рядом с которым можно быть слабой. Женя напоминал мне отца — не в деталях, но в ощущении спокойствия, которое он внушал. Нет, это не был мой осознанный выбор, и, по-

жалуй, именно в этом и кроется слабое звено. Я стала всё это понимать только сейчас, когда попыталась разобрать по косточкам наш брак и ответить себе на вопрос: как же так получилось, что я, взрослая женщина, оказалась в ситуации, где даже не могу уйти, хлопнув дверью, и начать с нуля?

Я уверена, что многие женщины в такие моменты действуют импульсивно: собирают сумку, уходят, начинают всё сначала. И мне это кажется притягательным. Всеми фибрами души я бы хотела поступить так же — красиво, решительно, гордо. Но не могу. Я слишком рациональна. Во мне сидит этот внутренний бухгалтер, который всё время взвешивает: а что потом, на что жить, как быть? В восемнадцать я бы, может, и ушла, не задумываясь. Но когда тебе тридцать, а за плечами годы, дом, привычки, страхи, — приходится мыслить чуть шире. Придётся играть в эту игру. Холодно, трезво, стратегически.

Так вот, к чему это я...

Я решила поехать с Женей за город. И использую эту поездку на все сто. Пусть он считает, что я смягчилась, отошла, и вообще забыла обо всём плохом. Не нравилось то, какой я была — мягкой и покладистой женой? Сейчас мой дорогой муженёк увидит, какой я могу быть змеюкой.

Я просчитаю каждый его шаг, каждую фразу. Может, получится как бы невзначай узнать побольше о его секретарше. А вдруг — и доступ к телефону получу? Надо быть начеку, но не спешить. Вижу цель — не вижу препятствий.

Я киваю и говорю:

— Хорошо. Давай поедem.

Глаза Жени вспыхивают радостным блеском. Он тут же достаёт телефон и при мне набирает кого-то из начальства.

— Привет, да. Я сегодня не выйду, возьму отгул. По семейным обстоятельствам. Всё, договорились.

Он кладёт трубку, удовлетворённо улыбается, тянется обнять меня. А я стою и думаю о том, что начинается моя маленькая спецоперация.

Женя отправляется в магазин, а я тем временем начинаю собирать вещи. Теплые кофты на вечер, косметичка, банные принадлежности, что-то удобное для прогулки. В голове мысленно помечаю, что ещё может пригодиться — заряженный телефон, пауэрбанк, таблетки от головы, на всякий случай. Женя возвращается с полными пакетами: мясо для шашлыка, овощи, маринад, уголь, какая-то фирменная закуска супермаркета. Он весел, напевает себе под нос, и всё это выглядит до странности обыденно — будто всё по-прежнему.

В машине он включает свой особенный плейлист — тот, который ставит, когда его тянет на веселье. Ритмичные мелодии, немного лёгкой ностальгии, пара старых хитов. Я знаю этот набор наизусть. Что ж, мне это только на руку. Чем расслабленнее он будет, тем проще мне всё проверить.

— Вот увидишь, — говорит он, ведя машину. — Как раньше будет. Только ты и я, лес, банька. Я тебе массаж сделаю,

фирменный. Помнишь, как ты его любила?

Я улыбаюсь сдержанно:

— Конечно, помню.

Он поворачивает голову ко мне, довольный, а я отворачиваюсь к окну. Моя роль — быть участливой, но не навязчивой. Доверчивой, но чуть отстранённой. Не слишком холодной, чтобы не вызвать подозрений.

Домик оказывается вполне уютным — деревянный, с верандой, внутри камин, мягкий свет. Пока Женя разглядывает интерьер, я прохожусь по комнатам, проверяю, где розетки, где ванная, бросаю взгляд на тумбочки — просто на всякий случай. Мы быстро разбираем вещи. Женя разжигает мангал, напевая себе под нос, а я режу овощи, расставляю тарелки на уличном столике, проверяю, чтобы всё выглядело идеально. Мы жарим шашлык, смеёмся. Он рассказывает пару анекдотов из офиса, я улыбаюсь, подыгрываю. Словно у нас всё в порядке. Мы по-прежнему образцовая ячейка общества. На время я позволяю себе поверить в эту игру.

После ужина — баня. Пар жаркий, ароматный, потому что в парной много берёзовых веников. Женя расслаблен и предсказуем. Он пробует обнять, целует плечо, скользит ладонью по моей талии. Но я мягко отстраняюсь, взяв его руку и отпустив в сторону.

— Жень, нет. Не сегодня.

Он хмурится, задерживает дыхание, как будто хочет что-то сказать, но передумывает. Раздражён, но старается не со-

рваться. Я вижу, как у него внутри вскипает что-то — упрямство, желание, может, чувство собственности — но он давит это в себе и выходит первым, обмотав полотенце вокруг бёдер, громко хлопнув дверью.

Позже, за столом, наливаю ему коньяк. Сама беру бокал вина, но лишь пригубливаю — ровно столько, чтобы он не заподозрил ничего. Он расслабляется всё больше. Щёки розовеют, голос становится громче, он громко смеётся, вспоминает университетские истории. Я киваю, улыбаюсь, поддерживаю. Всё идёт по плану.

Когда он уже едва держится на ногах, я поднимаю его и помогаю добраться до кровати. Он что-то бормочет, кажется, зовёт меня к себе под бок, но тут же отключается, едва коснувшись подушки.

Вот и началась самая ответственная часть. Я аккуратно беру его телефон с тумбочки. Подношу к его пальцу. Он шевелится, что-то неразборчиво говорит. Сердце у меня замирает. Попалась? Нет. Он просто отворачивается на бок и замирает.

Экран вспыхивает. Разблокировано.

Телефон в моей руке. И у меня достаточно времени, чтобы найти все необходимое.

С чего начать?..

8 Саша

Я сижу на краю кровати, почти в полной темноте, комната освещена лишь слабым светом от экрана. Сердце гулко стучит в груди, а руки слегка дрожат. Мне страшно заглядывать в ту часть жизни мужа, которая обычно скрыта от меня. Что я там найду? Вдруг подтверждение всех своих самых страшных фантазий? Но и отступить точно не хочу. Не для того я целый день терпела компанию, общества которой мне хочется избежать больше всего на свете.

Начинаю с галереи фото. Пальцы дрожат, но я заставляю себя листать. Сначала всё стандартно — еда, рабочие скриншоты, какие-то бессмысленные мемы. Но дальше — другое. Совсем другое.

Селфи. Смеющийся Женя. Женя, обнимающий женщину с густыми рыжими волосами. Фото сделано не в офисе, не в кругу друзей. Это явно что-то интимное. Ресторан. Полу-мрак. Улыбки. Она целует его в щёку. Он — доволен, расслаблен, такой, каким я его давно не видела рядом с собой.

Проматываю дальше — их совместные фото с корпоратива за городом. Но я в это время была в дома. Я точно помню. Лето, жара, я лежала с температурой, а он якобы ездил на корпоратив. А вот он с той же женщиной в купальнике, они вдвоём на речном трамвайчике. Фото сделано вечером, в закатных лучах — она держит в руках бокал, он целует её

в висок.

В груди холодеет. Сколько таких встреч я пропустила, веря в то, что мне говорил Женя? Да у меня и мысли не возникало, что он врёт. Во-первых, после наших размолвок или его косяков Женя всегда дарил мне цветы. Но если сравнить даты, то после этих ужинов, поездок и свиданий никаких букетов не было. Неужели он такой продуманный? Нет, серьёзно? То есть он цинично рассчитывал, когда и куда он может поехать так, чтобы я ничего не заподозрила, а потом даже не пытался загладить вину подарками. А может... У меня вырывается нервный смешок, у него и чувства вины не возникало?

Вижу и другие лица дальше в ленте фото. Женя с разными женщинами. Где-то он обнимает за талию, где-то целует в шею. Разные образы, разные локации — но один и тот же мотив. Флирт. Близость. Привычка. Предательство.

Открываю переписку в мессенджерах. Вижу несколько женских имён: «Алина (спорт)», «Люся Губы», «Наташа Четвертый» Переписка тянется на месяцы назад. Он заигрывает, шлёт стикеры, хвалит внешность, предлагает встретиться. Некоторые из них ведут себя холодно, некоторые явно не против.

А вот Кристины нет. Ни одной Кристины. Ни под полным именем, ни под псевдонимом, ни даже под какими-то инициалами. И это вызывает у меня подозрение. Либо он действительно не писал ей, либо он предусмотрительно удалил

всё, что могло бы навести на её след. Тогда тем более странно, что всё остальное на месте.

Пробую открыть банковское приложение — и тут понимаю, что оно тоже заблокировано. Нужен отпечаток. Осторожно беру телефон и, стараясь не дышать, снова подношу его к пальцу Жени. Он дёргается, бормочет что-то нечленораздельное. Я замираю, сердце подскакивает в горло. Он приоткрывает глаза.

Резко прячу телефон — за подушку, подальше, но так, чтобы можно было быстро достать потом. Женя морщится, поворачивается на бок.

— Пить хочу, принесёшь? — хрипло произносит он.

Я киваю, поднимаюсь и иду на кухню. Возвращаюсь с кружкой воды. Он пьёт, не открывая глаз, и откидывается на спину. Я присаживаюсь на краешек кровати, подальше от него, чтобы сохранить дистанцию. Но он тянет меня к себе, укладывает на рядом и крепко прижимает. Мне неудобно. Его рука ложится на живот слишком низко. Обычный жест, в общем-то, одна из моих любимых поз совместного сна. Но сейчас я напрягаюсь, каждый нерв в теле максимально натянут, но я не двигаюсь. Просто жду, сжав зубы.

Минуты тянутся мучительно долго. Наконец его дыхание становится ровным, глубоким. Он начинает сопеть прямо в ухо.

Я осторожно освобождаюсь, сажусь, тянусь за телефоном. Разблокирую экран, снова подношу его палец — теперь уже

к банковскому приложению. Разблокировано.

Начинаю листать транзакции. Много из ресторанов. Один — в центре, в который мы с ним никогда не ходили. Второй — тот самый, на фото. Сумма за ужин втроём минимум. А вот ещё один — ужин на двоих. Дата совпадает с его «рабочей встречей до позднего вечера».

Платежи в цветочном салоне. Подозрительно частые. Тот, где он мне ни разу не покупал букеты. Ещё один платёж — ювелирный бутик. Дата — как раз перед восьмым марта. Я тогда получила в подарок дежурный набор суши, мои любимые конфеты и корзинку с клубникой.

Больше не могу. Грудь сдавливают такая обида. Меня бросает сначала в жар, а потом окатывает волной ледяных колючих мурашек. Телефон выпадает из рук на одеяло. Надо заканчивать этот сеанс мазохизма.

Переслав себе на телефон несколько скриншотов, встаю и выхожу из комнаты. Скрипит дверь и с хлопком закрывается у меня за спиной.

Влажный ночной воздух волной накрывает. Хочется кричать, но я тут всех перебуду, вокруг соседи. Ухожу от домика быстро. Куда угодно. Лишь бы подальше.

Тут есть озеро недалеко, насколько я помню по карте. Мы когда-то там уже бывали. Я иду босиком по гравию, как будто боль в ступнях помогает не думать.

Выхожу на дорогу — и вдруг из темноты вылетает мотоцикл. Фары слепят. Я отскакиваю в сторону, ноги подкаши-

ваются. Мотоцикл тормозит с визгом. Водитель резко поворачивает голову:

— Ты в порядке?! — голос мужской, хриплый, удивлённый и злой.

Я только машу рукой, поднимаясь, пытаюсь отдышаться. Голова гудит. В висках стучит. А внутри — пустота.

Мой муж — изменщик. Хладнокровный. Изобретательный.

И это был не единичный случай. Это был образ жизни.

И всё, во что я верила, — было ложью.

Теперь я точно знаю: назад дороги нет.

9 Саша

Фары мотоцикла гаснут, и сразу же на меня налетает шквал злого, властного голоса:

— Ты вообще с ума сошла?! Кто по дороге ночью ходит? Я тебя чуть не сбил!

Мужчина высокий, в чёрной кожанке, без шлема, его глаза сверкают в темноте. Он действительно напуган, дыхание сбито. Но и я не из тех, кто легко пасует:

— А ты чего так носишься? Думаешь, если мотоцикл под задницей, то правила уже не для тебя? Без шлема, между прочим!

Он криво усмехается, явно стараясь скрыть досаду:

— А ты чего так распереживалась за меня?

Горячо, не менее эмоционально отвечаю:

— Я вообще за всех мотоциклистов переживаю. Знаешь, как вас называют?

Он прищуривается, принимая пас:

— Ну давай, открой мне тайну.

— Хрустики.

Он смеётся громко, заразительно. И этот смех сбивает с меня волну злости. Ощутимо снижает градус накала. Даже чуть-чуть тёплым эхом отзывается в груди. Я всё ещё напугана, но в его смехе нет насмешки, только искреннее веселье.

— При соблюдении техники безопасности это не более

опасный транспорт, чем машина.

— Ну ты же не соблюдаешь.

— Я и еду недалеко.

— Куда?

— Какая любопытная, — широко улыбается. — В магазин, тут на выезде из посёлка. Пятёрка, кажется.

Я смотрю на него чуть исподлобья, сердце стучит всё ещё часто — от неожиданной встречи, от адреналина, от всего того, что увидела только что в телефоне Жени.

— Ну, удачи тебе.

Он разворачивается к мотоциклу, но вдруг оборачивается снова:

— А тебе ничего не нужно?

Я пожимаю плечами:

— Вроде нет.

— Я могу тебя прокатить. Ты же наверняка ни разу в жизни не сидела на мотоцикле.

Я чуть улыбаюсь. Его голос — низкий, бархатистый, отзывается во мне многочисленными мурашками. А может, это всё ночной прохладный ветерок. Или то, как он смотрит прямо, открыто. Спокойно. Уверенно. У меня в ушах ещё звучат мамыны страшилки о мотоциклах и разбитых головах.

— Это слишком опасно.

— Здесь никого нет, и я поеду медленно. Клянусь.

Я колеблюсь, безрассудство, не иначе, как будто толкает вперёд. Через минуту я уже сижу за его спиной, держась за

кожанку, пахнущую ветром и машинным маслом. Проклинаю всё на свете, подавляя желание попросить остановить мотоцикл, но ветер в лицо сбивает мысли. Это чувство — как будто отрываешься от земли, вырываешься за грань привычного. Давно я не испытывала ничего подобного.

В магазине приглушённое освещение. Незнакомец берёт бутылку чего-то крепкого, я слоняюсь вдоль полок, цепляюсь взглядом за яблочный сок. Самое то, пожалуй, потому что ничего алкогольного мне не хочется сейчас.

Он замечает:

— Крепкий напиток.

Я усмехаюсь:

— По настроению.

Расплачиваемся. Он, не торопясь, обращается ко мне:

— Тут рядом озеро. При полной луне оно красивое, как из фильма. Хочешь покажу?

— Уже показал мотоцикл, спасибо, — вежливо отказываюсь, чувствуя себя неловко. Как будто понравившийся мальчик первый раз зовёт на свидание, а я не знаю, разрешит ли мне мама. Хотя в моём случае я скорее вспоминаю о муже, который сейчас наверняка видит десятый сон.

— Полчаса, не больше. И я верну тебя к домику. Обещаю не приставать.

Я сдаюсь, поддаваясь очарованию летней ночи, лёгкости, которую чувствую между мной и этим загадочным мужчиной. Она так резко контрастирует с тем, что давило на меня

в последние дни, заставляя сомневаться во всём, что я делала раньше.

Поражаюсь собственной беспечности. Ночь, незнакомец, мотоцикл. А если он маньяк какой-то? Но мне это нужно, очень нужно. Чтобы грести дальше, разбираясь в том, как жить дальше. Сопротивляться изо всех сил тому, что сейчас на меня многие будут давить, уговаривая сохранить брак.

Наверное, меня многие бы осудили за этот поступок. Но в конце концов, именно сейчас настал тот момент, когда мне эгоистично хочется подумать о себе. И для меня сейчас вдохнуть воздух свободы жизненно важно.

На берегу озера действительно красиво. Вода чёрная и гладкая, как зеркало, и в ней отражается полная луна — огромная, золотистая, будто сошла с какой-то сказочной открытки. По поверхности плывут редкие полосы тумана, воздух звенит от тишины, и кажется, будто мы оказались в каком-то другом мире. Ветер чуть шевелит ветви сосен, наполняя воздух смолистым запахом леса. Мы садимся на поваленное дерево, которое скрипит под нами, словно приветствуя. Незнакомец открывает бутылку, делает глоток прямо из горлышка и протягивает её мне.

Я качаю головой:

— Не моё.

Он уважительно кивает:

— Принято. Я Виктор, кстати.

— Александра.

Тишина опускается между нами мягким пёрышком. Лёгкая, не тягостная. Я разглядываю его в лунном свете. Мускулистые руки, торс под тонкой футболкой, красиво подстриженная борода. Голос, когда он говорит, мягкий, почти ласковый, с хрипотцой. Он не спешит, не давит вопросами. Просто сидит рядом. Неужели незнакомец может чувствовать, что мне нужно в данную секунду?

Сижу с ним всего полчаса, как и договаривались, но чувствую себя невероятно отдохнувшей, наполненной энергией.
— Мне нужно возвращаться.

Он кивает и протягивает руку. Его ладонь тёплая, твёрдая, сильная. Такое уверенное прикосновение ощущается остро: я будто чувствую, как по моей коже прокатывается короткая, едва уловимая волна тепла. Я позволяю себе секунду зависнуть в этом ощущении, прежде чем он отпускает мою руку.

По дороге назад мы молчим. У домика он останавливается, я соскальзываю с мотоцикла.

— Спасибо. За прогулку и за компанию.

Он усмехается:

— Обращайся. Я живу через несколько домов отсюда.

Когда я поднимаюсь по ступенькам, сердце сжимается. Женя сидит на крыльце, сутулый, злой и всё ещё пьяный. Его взгляд в упор, тяжёлый.

— Где тебя носит? С мужиком каким-то снюхалась? — рычит он.

А я только крепче сжимаю в руках бутылку сока и иду

мимо, не говоря ни слова.

10 Саша

— Где тебя носит? С мужиком каким-то снюхалась? — рычит Женя.

Я только крепче сжимаю в руках бутылку сока и иду мимо, не говоря ни слова.

— Отвечай, мать твою! — он резко хватает меня за руку.

Я вздрагиваю. Бутылка чуть не выпадает. Его пальцы сжимаются как стальные тиски — точно синяки останутся. Перегаром пахнет так сильно, что я непроизвольно отшатываюсь, неловко выворачивая руку. Острая боль заставляет зашипеть.

— Отпусти, — говорю я тихо, сжав зубы.

— Ты с кем была? — его голос сиплый, будто сорванный. Глаза налиты кровью, под ними тени бессонной ночи. Щетина на щеках грубая, как наждачка, и будто делает его лицо ещё злее. Вены на шее вздулись, грудь ходит ходуном от тяжёлого дыхания. Лоб прорезали глубокие морщины, брови сведены, как у зверя перед прыжком. Сейчас он выглядит так, будто едва сдерживается, и это пугает меня куда больше, чем его крик.

— Просто немного посидела на озере. Воздухом подышала. Всё.

— Воздухом?! — он почти кричит. — Ты что, совсем за идиота меня держишь? Думаешь, я не вижу? Ты там, небось,

уже и переспала с ним, да?

— Женя... — я пытаюсь сохранять спокойствие, — ничего такого не было. Не надо всех мерять по себе. Я просто хотела развеяться. Немного... прийти в себя.

— Прийти в себя? Ты вообще-то замужем! Не забывай об этом, когда катаешься ночью на мотоцикле с каким-то хреном! Тебе не стыдно?

— Перестань, пожалуйста. Я вернулась. Всё в порядке...

— Думаешь, тебе теперь можно всё?! — он расходится всё сильнее. — Я для нас всё это организовал, чтобы ты выкинула из головы всю эту чушь! Чтобы ты поняла, что у тебя мужик в доме есть! Чтобы ты и думать забыла обо всём этом бреде, что крутится у тебя в голове нон-стопом! А что я получаю?!

Он заносит руку и резко бьёт меня по щеке. Она мгновенно вспыхивает огнём, кожа словно вспухает, горячая, как обожжённая. Я отшатываюсь, теряя равновесие, ноги подкашиваются. Сердце замирает, а потом начинает колотиться с бешеной скоростью. Пульс гудит в ушах. Мир вокруг на секунду рассыпается — всё глохнет, будто погружаюсь под воду. Грудь сжимается так сильно, что трудно дышать. Я не могу понять, это боль или унижение жжёт сильнее. Шок парализует. Стою, не веря в случившееся. Никогда раньше он не поднимал на меня руку. Глаза наполняются слезами.

А потом я смеюсь. Горько, надтреснуто.

— И это мне говоришь ты? Жень, ты себя вообще слы-

шишь?

— Прекрасно слышу. А вот ты забыла своё место в доме. Я годами молчал и на многое закрывал глаза. Спускал тебе с рук все твои придури. "Она же баба, у них это природой заложено." И в итоге ты мне отплатила такой неблагодарностью. Я в шоке, Саш.

Я смотрю на него, как на чужого. Муж, который только что ударил меня, теперь рассуждает спокойно, почти философски. И выставляет виноватой меня. Так что я нахожусь в не меньшем шоке, чем он.

Сейчас Женя на меня смотрит с неприкрытой неприязнью.

— Ты всё время в претензиях! Всё тебе не так, всё тебе не то. Я как ни стараюсь — ты только крутишь носом. Я в последний раз цветы тебе дарил — ты даже спасибо не сказала.

— Потому что ты их мне после своей очередной лжи притащил! Как подачку!

— Подачку?! — в голосе его слышится обида. — Это так теперь называется? Подарки от мужа — подачки? Слушай, если ты считаешь себя такой цацей, то иди! Только не возвращайся потом, когда поймёшь, что никому ты не нужна.

— Да чтоб я к тебе ещё вернулась после того, как ты меня ударил? — в голосе моём дрожь, но и злость тоже. — Ты себя слышишь? Ударил и оправдываешься! Перекладываешь ответственность за всё происходящее на меня!

— Я сорвался, понятно?! Ты меня провоцируешь! Ты уже

давно другая. Холодная, злая. У нас каждый вечер как допрос. Я как на иголках, потому что знаю: снова будешь допрашивать, искать повод, чтобы меня выставить чмом!

— Женя, я тебя до последнего защищала даже перед собой. А ты... ты пользовался этим.

— Пользовался?! Это я тебе даю крышу, еду, деньги, отдых! Это ты мной пользуешься, Саш! Я бы мог быть с кем угодно, но выбрал тебя. Любую бы это устроило!

— Ну извини, что я не «любая»!

— А знаешь что? — он делает шаг назад, его лицо искажается. — Я с первого дня чувствовал: ты не доверяешь мне. Вечно выглядываешь, проверяешь, где я и с кем. Как будто я должен отчитываться! Как будто ты мне прокурор, а не жена!

— Я что, не имею права спросить мужа, как у него день прошёл?

— Нет, ты просто живёшь с мыслью, что все мужики — козлы. И уже придумала себе свою правду. Только не забывай: без меня ты никто. Всё, что у тебя есть — это потому, что я тебя тянул. Я мог бы спокойно жить и без тебя. Но выбрал тебя. А ты... плевать хотела.

Он вдруг замирает, смотрит на меня с презрением:

— Ты же специально поехала с этим мотоциклистом, да? Хотела показать, какая ты свободная. Какая ты теперь не моя. Хотела унижить меня.

— Я вообще не думала о тебе в тот момент, Женя. Я живая, представляешь? И мне просто хотелось почувствовать

хоть что-то, кроме пустоты.

— Ага! Хотела почувствовать! Да ты давно уже всё решила! Просто ждала повода, чтобы меня слить! И вот теперь будешь строить из себя жертву!

Понимаю, что дальше оставаться невозможно.

Хватаю рюкзак, кидаю туда вещи, беру телефон.

Женя, ошарашенный, сначала ничего не говорит. Потом пытается остановить:

— Ты куда?!

— Подальше от тебя. Пока не поздно.

— Не смей такси вызывать! Ты пожалеешь об этом!

— Я уже жалею. Что осталась здесь с тобой хоть на час.

11 Саша

Я приезжаю к Инне глубокой ночью. Такси даёт по газам и скрывается за поворотом, едва я захлопываю за собой дверь. Двор тёмный, освещённый лишь луной, воздух тянет прохладой и запахом трав. Под ногами хрустит гравий, пока я иду ко входу. Рюкзак за плечами кажется слишком лёгким, в нём минимум вещей.

Поднимаюсь по лестнице, делая глубокие вдохи и медленные выдохи. Ноги ватные. Надо успокоиться, чтобы не пугать Инну своим видом. Стучу тихо, чтобы не разбудить Ваню, её маленького сына.

Дверь открывается почти сразу. Инна встречает меня растрёпанная, в домашнем халате, босиком. Видно, что я её разбудила. Но она совсем не злится, наоборот, приветливо улыбается.

— Заходи. — Она обнимает меня у порога, и только сейчас меня немного отпускает.

Я замираю в её объятиях. Не знаю, плакать ли хочется или просто сделать вид, что всё в порядке. По сути, происходящее сейчас со мной — последствия моего неправильного выбора. Это очевидно. Я сама выбрала не замечать, закрыть глаза на тревожные звоночки, на вещи, которые пугали, но казались незначительными. Я терпела, когда он повышал голос. Придумывала оправдания, когда он игнорировал мои

просьбы. Я даже смеялась, когда он насмеялся надо мной — будто это просто у него такой юмор. Но теперь всё, что я тщательно замалчивала, прорвалось наружу.

Как так получается, что можно жить с человеком долгие годы и при этом так мало знать его? Что это? Маска, которую человек носит, чтобы не раскрыть своё настоящее "я"? Или влюблённость заставляет закрыть глаза на любые красные флаги? Или, может, я просто боялась, что окажусь одна? Что, если уйду, то всё рухнет, и мне не к кому будет прижаться ночью?

Сейчас я вспоминаю, как Инна неоднократно говорила мне, что Женя мутный тип. Ещё до брака. Не прямо, не грубо — она умеет быть деликатной. Но я тогда слушала только своё сердце. Конечно, я не прислушалась. Мне казалось, что она ничегошеньки не понимает. Что Женя самый лучший, и мы с ним будем жить душа в душу.

Вынуждена признать, что она была права. По всем статьям. Больно это говорить. Ещё больнее — осознавать.

Инна ведёт меня на кухню. Там включён приглушённый свет на кухонном гарнитуре. Вокруг витает запах ромашкового чая и лимона.

— Пей, — пододвигает ко мне пузатую кружку с красивой зеленой веточкой, мою персональную кружку у неё дома.

Я сажусь, обнимаю её ладонями. Тепло чуть отогревает холодные пальцы. Подруга наливает себе чай и садится рядом.

Муж Инны — Денис — выходит из спальни. Высокий, молчаливый. Смотрит на меня с лёгкой тревогой. Я могу его понять, не каждый день заваливаюсь к ним посреди ночи. Если быть точной — впервые.

— Привет, Саш. Рад тебя видеть. — И, чуть улыбнувшись, кивает Инне: — Я пойду. Спокойной ночи.

Он исчезает, не задавая ни одного вопроса. Просто даёт нам быть вдвоём. Уверена, что Инна держит его в курсе всех событий в моей жизни, но во время наших девчачьих разговоров обычно он оставляет нас одних.

Я делаю глоток чая, ещё один. Вижу, как Инна смотрит — выжидающе, но не подгоняет вопросами.

— Он меня ударил, — говорю я наконец и удивляюсь тому, какой у меня сейчас сильный голос.

Инна замирает. Потом резко встаёт, начинает нервно мять кухонное полотенце в мелкий красный горошек.

— Господи. Саша. Он... ты серьёзно?

Я киваю. Потом рассказываю всё, что произошло. О том, как Женя слетел с катушек. Как накинудся с упрёками, кричал, не хотел слушать. Как ударил. Как говорил, будто я всё придумала. Обвинял меня, будто я виновата, что он сорвался.

Инна слушает молча, но я вижу — ей непросто дать мне высказаться, не предложив оторвать Жене что-нибудь. Она сжимает кулаки, стискивает зубы. Потом вдруг садится рядом и сжимает мою руку в своей.

— Я убила бы, честно. Но сейчас ты здесь, правильно, что приехала к нам. И он тебя больше не тронет. Обещаю.

Я киваю. Не знаю, верю ли в это. Но хочу верить, как и всякая наверное на моём месте.

Инна сворачивает и разворачивает полотенце несколько раз. Потом, свернув его в маленький рулончик, говорит:

— Саша, тебе надо уходить от него. Он перешёл черту. Если один раз он позволил себе такое, значит, ничто не помешает ему ударить тебя и во второй раз.

Я киваю снова, полностью соглашаясь с ней.

— Я и сама это понимаю. Уже договорилась на большее количество смен в салоне. Пока подкоплю деньги. Займусь чем-нибудь, отвлекусь.

Инна сжимает мою ладонь.

— Это, конечно, поможет. Но в целом... Тебе не кажется, что это хороший повод? Начать что-то своё. Круто поменять свою жизнь. Подумай, чего бы ты хотела сейчас больше всего?

Я смотрю в окно, в темноту за стеклом. И шепчу:

— Малыша. Конечно.

Инна молчит. Конечно, она в курсе моей ситуации. Единственная из всего моего окружения. Потом гладит меня по плечу.

— Но теперь... это и вовсе невозможно, — добавляю я уже почти неслышно.

Поскольку я отлично знаю, как рано встает главный воз-

мутитель спокойствия в семье Кирьяновых, то стараюсь не задерживать подругу. Мы достаточно быстро сворачиваем разговор, и я ухожу спать в гостевую комнату.

Несмотря на все волнения, уснуть удаётся быстро.

Утром я просыпаюсь от тихого смешка. Маленькие ножки топают по полу. Потом — хлопок двери и визг:

— Саааса! Ты тут! Пивет!

Это сын Инны — Ваня. Пухленький трёхлетний малыш, с растрёпанными волосами, в пижаме с динозаврами. Он кидается на кровать, обнимает меня за шею.

— Ты послулась! Подём, у нас бины!

Он такой милый. Я улыбаюсь так, что щёки немного ноют. Если честно, я его фанатка. Его жизнелюбию и любознательности можно только позавидовать. А ещё, не знаю, чем я такое заслужила, но Ваня искренне меня любит и обожает обниматься со мной.

— Пойдём, герой. Я за тобой.

На кухне пахнет ванилью и мёдом. Инна что-то напевает. Я наливаю себе кофе, наблюдаю за этой сценой: она переворачивает блин, Ваня крутится у ног. Денис сидит за столом и копается в какой-то технике. Есть у него такое хобби, чинить что-то.

Наблюдая за ними, я ощущаю что-то похожее на надежду. Оказывается, нормальные семьи действительно существуют. Заботятся друг о друге, смеются, обсуждают планы, жарят блины. И в этом нет ни капли показухи — всё по-настоящему.

му. Я вдруг понимаю, что то, что происходит сейчас в моей жизни, не обязательно будет длиться вечно. Возможно, всё ещё может измениться. Возможно, и для меня однажды станет реальностью такая жизнь.

Мы завтракаем все вместе, а потом я занимаюсь Ваней весь день. Мне это совсем не в тягость, а его родители могут выдохнуть и расслабиться немного.

Я намеренно не смотрю в телефон. Но он всё равно вибрирует постоянно. Сначала один звонок. Потом второй. Всё же открываю шторку и вижу сообщения: "Ты где?", "Это уже не смешно", "Возвращайся домой".

Инна, заметив, кивает на мой телефон:

— Выключи. Пусть попереживает.

Кладу телефон экраном вниз.

Поздно вечером приходит ещё одно сообщение. Короткое. Сухое:

"Возвращайся домой. Меня там нет".

Я смотрю на экран долго. Потом нажимаю кнопку — экран гаснет. И я отворачиваюсь к окну.

12 Саша

Я долго сижу у Инны в гостиной, не решаясь ни лечь спать, ни поехать домой. Свет фар ползёт по стене, озаряя комнату мягким светом. Инна уже уложила Ваню спать, и сейчас наверняка хотела бы побыть вдвоём с Денисом.

Я перетягиваю её внимание на себя, и от этого чувствую себя очень неудобно. Прекрасно понимаю, что деликатность Кирьяновых не позволяет им выставить меня на улицу. Но чужой человек в доме, как ни крути, не может не напрягать.

Пора и честь знать.

Возвращаться домой страшно. Даже если Жени там и правда нет, то как долго он будет изображать джентльмена? Это ему несвойственно. Рано или поздно чувство вины отступит. Не думаю, на самом деле, что это продлится дольше одного-двух дней. Стандартный срок, после которого он считает, что проблема рассасывается сама собой. Хоп, и не было измены. И пощёчины тоже.

Но всё же предупреждаю Инну, что надо идти. Она только кивает:

— Ты в любой момент можешь вернуться. Саш, я абсолютно серьёзно. Понимаю, почему ты в ночи срываешься от нас. Наверняка придумала, что мешаешь нам.

— Я же прекрасно всё вижу. Вам просто вежливость не позволяет избавиться от меня. Но я уйду раньше, сама, —

улыбаюсь ей.

— Глупенькая, ну где я найду няню для Вани лучше, чем ты?

— Так у тебя была корыстная цель?

— Ну... самую малость корыстная, — хихикает Инна.

— Ваня спит и наверняка расстроится, что не попрощался со мной, — говорю я, натягивая кроссовки у двери, — я к вам ещё загляну. Может, в выходной.

Инна подходит ближе, обнимает меня одной рукой.

— Конечно. Он тебя любит. Уже завтра с утра будет спрашивать, где Саша.

— Вот и повод приехать, — вымученно улыбаюсь. На самом деле я прекрасно осознаю, что так привязалась к Ване именно потому, что компенсирую отсутствие у меня детей..

— Приезжай в любое время. Правда. Тут тебе всегда будут рады. Даже если просто захочется молча выпить чаю и ни с кем не разговаривать.

— Спасибо тебе. За всё, — шепчу, а она просто сжимает моё плечо в ответ.

Я выхожу на улицу, закрываю за собой дверь и делаю глубокий вдох. Открываю приложение такси и проверяю: через минуту машина будет здесь.

До дома добираюсь очень быстро, основной трафик на дорогах схлынул, позволяя таксисту гнать с превышением. Я такое не одобряю, но именно сейчас решаю не ввязываться в скандал. Просто молча снижаю оценку за поездку, глядя в

окно и стараясь не думать о том, что меня ждёт.

С опаской поворачиваю ключ в замке. Открываю дверь и заглядываю в квартиру. Тишина. Ни шагов, ни звуков телевизора, ни запаха еды. Женья не соврал — дома его нет.

Но даже эта тишина не даёт ощущения покоя. Я делаю шаг внутрь, но не чувствую привычной радости от возвращения домой — будто вернулась в место, которое меня больше не принимает. Квартира пахнет пылью, всё стоит на своих местах, но кажется чужим, неприветливым, чуждым мне пространством, в котором я больше не чувствую себя хозяйкой.

Женья всегда говорил: это твоя квартира, делай тут что хочешь. И я верила. Обустроивала гнёздышко, старалась сделать его уютным, тёплым, с мелочами, которые радовали глаз. Я подбирала текстиль, расставляла свечи, вешала шторы, выбирала постельное бельё по сезону. Делала всё, чтобы здесь было хорошо нам обоим. И жаль будет расставаться со всем этим. Не с вещами, а с тем, во что я вложила душу. Но ведь не в вещах счастье. Я обязательно найду своё собственное гнёздышко. Пусть скромное, пусть не сразу, но своё. И сделаю его самым-самым. Потому что могу. Потому что заслуживаю.

Опускаюсь на кровать и ложусь на спину, уставившись в потолок. Он неровный, чуть треснувший в одном месте — я всё собиралась нанять мастера, но теперь понимаю, что это было важно только в другой жизни. В той, где я верила, что всё можно склеить, подлатать, подкрасить.

Перевожу взгляд на тумбочку рядом с кроватью, там стоит рамка с фотографией. Я беру её в руки, провожу пальцем по стеклу. На фото мы с Женей смеёмся, сияем — такие живые, счастливые. Тогда мне казалось, что у нас всё впереди. Что это начало настоящего «мы». Смотрю на фото и чувствую, как изнутри поднимается что-то жгучее. Грусть? Отчаяние? Обманутые надежды? Всё сразу.

Я кладу рамку обратно. Глаза предательски щиплет. Как же больно. Невозможно поверить, что между теми двумя людьми на фото и тем, что сейчас, лежит всего пара лет. Пара лет, которые превратили любовь в ломкий хрупкий фарфор, который больше не склеить.

Несмотря на то, что решение о разводе уже принято, я не могу выбросить мысли о том, где сейчас может быть Женя.

Рука тянется к телефону. Сомневаюсь, стоит ли показывать то, что мне не всё равно, где он? Нельзя в один миг любить, заботиться, а потом вдруг начать ненавидеть. Это все слишком сложно. Иначе бы разводы давались женщинам куда проще. Решаю набрать короткое сообщение:

"Где ты?"

Ответ приходит почти сразу. Фото — он сидит в офисе за ноутбуком. Я вглядываюсь в снимок, разглядывая каждую деталь, будто надеясь найти в отражении монитора или в расфокусе за его плечом какие-то намёки — тень, силуэт, что-то, что укажет на постороннее присутствие. Может, кто-то стоит рядом? Может, он соврал?

Но нет. Только он и офис. Лицо усталое, взгляд отрешённый. Кажется, я зря его подозреваю сейчас. Или он хорошо играет. Обманутой жене разрешается иногда параноить. Позволяю себе эту маленькую слабость.

Так и просидев ещё пару часов, засыпаю, уронив телефон на подушку рядом, а утро начинается не с ощущения, что я выспалась и даже не с чашки кофе, а со звонка курьера.

Открываю дверь и вижу молодого парня в форме курьерской службы. В его руках — пышный букет жёлтых тюльпанов, ярких, солнечных, почти вызывающих на фоне моей разбитости. Цветы завернуты в плотную крафтовую бумагу, перевязаны золотистой лентой. Поверх неё аккуратно прикреплена маленькая записка. В другой руке у курьера — небольшая коробка с тем же цветом ленты. Он ничего не говорит, просто протягивает всё это мне, кивает и разворачивается, исчезая за дверью так же молча, как и появился.

Первым делом заглядываю в карточку и читаю там всего одно слово: «Прости».

13 Саша

Когда дверь закрывается за курьером, я стою посреди прихожей, сжимая в руках большой букет жёлтых тюльпанов. В груди холодеет. Мой любимый цвет — жёлтый, всё верно. Но есть нюанс: я терпеть не могу жёлтые цветы. Потому что это к разлуке. Потому что это "жёлтые тюльпаны — вестники разлуки". Потому что в голове сразу заиграла эта дурацкая песня.

И Баренцев прекрасно это знал. Знал с самой нашей первой весны. Когда ещё только пытался ухаживать, принёс тогда оранжевые, сказал: "Жёлтые не решился — ты ж веришь в эту ерунду". А теперь внаглую. Внаглую суёт мне букет с намёком — всё, прощай, до свидания. И цинично при этом пишет "Прости". Ты совсем обнаглел, Баренцев?

Я даже не пишу ему ничего, чтобы не скандалить по телефону. Не звоню. Просто хожу по квартире с этим букетом, не зная, то ли выбросить его, то ли сжечь к чёртовой матери. Оставляю цветы на подоконнике. Пускай вянут. По крайней мере, символизм будет полным.

К вечеру я уже не просто злая — я киплю. Сжата, как пружина, и в любую секунду готова сдетонировать. Посуду мою агрессивно. Полы мою агрессивно. Даже кота нет, чтобы на кого-нибудь порычать и сбросить пар. Только я и зреющее внутри чувство — он меня держит за дуру. Он и правда ду-

мает, что этим дешевым трюком можно всё уладить? Что я вздохну, расплачусь и брошусь ему на шею, как в плохом сериале? А он продолжит жить как ни в чём не бывало, только теперь возможно будет шифроваться получше.

Дверь открывается. Он заходит, не таясь, расслабленный и довольный. С привычной ленцой снимает ботинки, бросает барсетку на тумбочку. Его походка — уверенная, чуть тяжеловатая, плечи расправлены, взгляд цепкий. И даже сейчас, когда напряжение висит в воздухе, он не теряет этого ощущения власти.

Увидев меня на кухне, он улыбается открыто:

— Ну что, дошёл букет? Я же извинился...

Я поворачиваюсь к нему медленно. Наверное, у меня на лице такая смесь ледяного презрения и гнева, что он на секунду даже отступает на полшага.

— Ты серьёзно? — голос у меня спокойный, чересчур спокойный. — Ты послал мне жёлтые тюльпаны? И думаешь, что этого достаточно?

Женя моргает. Явно не понимает, что не так.

— Ну... да. Ты ведь любишь жёлтый цвет...

— Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу жёлтые цветы. С первого дня знакомства. За все пять лет ни разу мне их не дарил. А теперь вдруг у тебя возникла амнезия? Женя, я уже поняла, что ты меня ни во что не ставишь, но это просто...

Он мнётся, шарит по волосам рукой. Потом вздыхает и, наконец, признаётся:

— Я попросил Кристину выбрать букет. Я не успевал. Она сама заказала. Я просто... хотел как лучше.

Я смеюсь. Нервно, с надрывом.

Вспоминается один вечер. Он тогда пришёл поздно, с каким-то пакетом, прятал за спиной. Там был смешной букет — хризантемы, какие-то колючие штуки, ветка с ягодами. Я тогда засмеялась: "Ты где это взял?" Он обиделся: "Я сам выбирал, мне показалось — тебе подойдёт". Тогда мне стало так тепло. Он старался. Хотел порадовать. Хотя как-то. А сейчас... теперь проще делегировать секретарше.

— Конечно. Конечно, ты поручил это Кристине. Прекрасный ход. Сразу видно — вложилась душой. Искренне переживал, ночь не спал. Сам пошёл в салон и выбрал букет цветов, которые я люблю, и вручил лично.

Он хмурится:

— Саш, давай без истерик. Я же попытался извиниться. Как я устал от всего этого. Что тебе ещё надо?

— Что мне надо? — я чувствую, как голос срывается. — Мне надо, чтобы ты хоть раз сам что-то сделал для меня. Хоть раз подумал, прежде чем совершить очередную глупость. Чтобы ты не считал, что одной записки хватит. Что теперь мы просто "помирились", да?

— А что ещё? — он смотрит прямо, уверенно, как будто не понимает, почему я до сих пор злюсь. Потом вздыхает и добавляет буднично: — Я правда сорвался. Дошёл до точки кипения. Не сдержался. Прости. Этого больше не повторит-

ся. Я буду держать себя в руках. Обещаю. Но ты же понимаешь... Ты меня довела.

Я отворачиваюсь, потому что знаю — если продолжу, могу сказать что-то, о чём потом пожалею. Но внутри всё пылает, словно меня ошпарили кипятком. И дело даже не в букете. Точнее и в нём тоже, но это лишь вишенка на торте, только подчеркнувшая отношение Жени ко мне. Дело в понимании, что он живёт по какому-то своему сценарию, в котором мои эмоции, мои чувства вообще не учитываются.

Его слова «ты меня довела» звучат, как пощёчина. Это мой личный триггер. Я слышала такое раньше. В детстве, когда что-то случалось, и мама или кто-то из взрослых говорили: «Ну ты же спровоцировала», «сама виновата». Тогда это казалось чем-то обычным, даже справедливым. Взрослые ведь лучше знают, я принимала всё на веру. А теперь я слышу это от собственного мужа — и внутри всё скручивается от боли. Это перекладывание вины на жертву. Как будто то, что он сделал, — это моя вина.

Пока я молчу, он просто проходит мимо, кидает ключи в миску у двери и идёт в душ. А я стою в кухне, рядом с раковиной, смотрю на чашку с недопитым чаем и понимаю, что мы — не "уладили". Мы даже не начинали.

Машинально верчу на пальце обручальное кольцо. Потом медленно снимаю его и кладу на стол. Оно холодное. Чужое. И впервые я понимаю: мне больше не хочется носить его. Всё.

Открываю приложение госуслуг в телефоне. Где тут можно подать заявление на развод?

14 Саша

На самом деле в том, чтобы подать заявление на развод, оказывается, нет ничего сложного. Единственное, что нужно — такое же заявление от Жени. Надеюсь, хотя бы по этому поводу мы быстро договоримся. Искренне не понимаю, почему он так противится. Я же явно мешала ему все эти годы наслаждаться обществом куда более доступных женщин.

Я явно не та, ради которой стоит хранить верность. По мнению Жени, конечно. Расстанемся полюбовно. Мне не нужно ни квартиры, ни компенсаций, ни дивана мебели и столовых приборов. Только машина — чтобы, если жильё, которое я найду позже, окажется далеко от работы, я могла хотя бы быстро добираться и сохранить мобильность. Это ведь не такая уж большая просьба, правда?

Я больше не прошу невозможного. Не прошу любви. Только возможность уйти — достойно, спокойно, по-взрослому. И хотя сердце рвётся на части, я стараюсь держать себя в руках. Потому что если сейчас не сделаю этот шаг — потом не найду в себе сил повторить его снова.

— Женя, ты тоже подпишешь заявление на развод? — спрашиваю без обиняков, когда он заходит на кухню. — Мне кажется, это будет правильно. Чтобы всё было честно и официально. И не затягивать процесс.

Он в этот момент что-то проверяет в телефоне, а потом

резко подвисает. Лицо его меняется.

— Ты уже подала заявление? — голос глухой, недовольный. — Не поговорив со мной?

— А что, надо было спрашивать разрешения? — спокойно, но твёрдо. — Это было ожидаемо. После всего.

Он отшвыривает телефон на стол.

— Ну конечно. Удобно. Ты же всегда жертва. А я — тиран, мерзавец, изверг. Да?

Я медленно встаю из-за стола.

— Женя, я тебя ни в чём не обвиняла сейчас. Просто знай, что с таким отношением ко мне я мириться не готова. Я живу всего одну жизнь. И меньше всего хочу тратить её не мужчине, для которого приоритет — покрыть как можно больше женщин, прямо как племенной жеребец. Вовсе не семья со мной.

— Опять эта тема! — Он повышает голос. — Мы же всё выяснили с Кристиной. Ну что ты начинаешь опять? Какие ещё женщины? Откуда ты вообще это берёшь?

Я молча достаю телефон, открываю альбом с фотографиями и показываю ему скриншоты — переписку, фото, переводы, которые явно не связаны с работой и со мной. Он замирает. Бледнеет, взгляд цепляется за экран, потом медленно поднимается и идёт на меня.

— Это что? — от него такой опасностью веет, что я боюсь, как бы снова не ударил.

— То, что ты забыл удалить. Женя, я не слепая. И не ду-

ра. Давай не будем. Неужели так сложно расстаться цивилизованно?

Он резко вырывает телефон у меня из рук, замахивается и с силой швыряет об пол. Тот разбивается с глухим треском, а я инстинктивно прикрываюсь руками.

— Ты совсем с ума сошла? — зло бросает он. — Шпионишь за мной? Лезешь в личное?

— У тебя нет «личного», когда речь о нашей семье. А главное — ты не отрицаешь, да? — тихо спрашиваю я. — Просто злишься, что тебя поймали.

Я вижу, как у него дрожат пальцы. Лицо перекошено от ярости. И в этот момент я понимаю: с ним небезопасно. Эти вспышки — не разовые. Они становятся слишком частыми. Я сдержанно отступаю на шаг назад.

— Не надо. Просто... не надо. Мне казалось, ты хотя бы поймёшь, почему я решила уйти. Но если ты думаешь, что это я виновата в том, что ты изменил, что не сдержался и ударил — у нас с тобой нет будущего.

— Я не это имел в виду, — огрызается он. — Я думал, мы пытаемся всё наладить, а ты уже подаёшь заявление. Не очень-то стараешься сохранить нашу семью.

— Потому что я не хочу жить в иллюзии. Ты извиняешься и в следующую минуту снова ведёшь себя так, как будто я должна быть благодарна тебе за само твоё присутствие в моей жизни. Как будто ты делаешь мне одолжение. И с каждым таким моментом — ты втаптываешь мою самооценку

всё глубже в грязь. Я и так уже едва верю, что достойна чего-то большего. А ты методично добиваешь меня. Мне этого мало. Я хочу снова быть собой. Хочу чувствовать, что я человек, а не тень на фоне такого замечательного тебя.

— И что ты теперь хочешь? Делить всё пополам? Забрать половину квартиры? Машину?

— Мне нужна только машина. Всё остальное мне не нужно. Я хочу свободы. Хочу дышать.

Женя вздыхает. Видно, что он устал, раздражён, но и сам не знает, как себя вести.

— Я... я просто устал, Саша. Ты не представляешь, как устал. Я на работе пашу, как вол, прихожу домой — и здесь снова бой. Бесконечные упрёки, холод, напряжение. Я ошибался, да. Я многое сделал неправильно. — Он тяжело выдыхает, но в голосе — не раскаяние, а раздражение. — Да, я изменял. Да, сорвался. Не думаешь, что и ты в этом участвовала? Не всё на мне одном. В спальне у нас уже два года как хрень собачья, а не семья. Но это не значит, что я тебе дам развод. Не надейся.

Слова повисают в воздухе. Они будто проникают под кожу, расползаются ядом, заставляя всё внутри съёжиться.

— Саша? — его голос словно издалека. — Ты бледная...

— Всё нормально, — пытаюсь выровнять дыхание, потому что резкая боль в животе не даёт вдохнуть.

Что-то тёплое и липкое ощущается между бёдер. Я морщусь, вглядываюсь в ткань халата — и внутри всё обрывает-

ся. Пятно крови расплывается всё шире. Паника накрывает, как волна. Сердце срывается с ритма, в ушах стучит. Я смотрю на Женю, он бледнеет на глазах, как будто кто-то резко выдернул из него краски. Его губы шевелятся, он что-то говорит, но я не слышу. Только гул и липкий страх. Мои ноги будто подкашиваются, я медленно опускаюсь на пол, прижимая дрожащую руку к животу. Холодный пот выступает на лбу.

— Женя... вызови скорую.

Он бросается к телефону, лихорадочно набирает номер. Только бы не что-то серьёзное.

Мои хорошие,

Очень рада, что вам нравится моя история.

Ваши звездочки и комментарии греют душу и мотивируют меня писать эту историю!

Отдельная просьба подписаться на меня, как на автора. Для меня это очень важно! Спасибо!♥#

<https://litnet.com/shrt/9Dhc>

Развод

В тексте

сильная

измена

 51

В процес

Обновле

Общий р

15 Саша

Белые стены, запах антисептика, капельница с прозрачной жидкостью — всё это возвращает меня в знакомое, но оттого не менее тягостное состояние. Я медленно оглядываю палату: всё стерильно, ровно, безлично. И холодно. Не от температуры — от ощущения, что ты снова оказался в помещении, в котором провела долгие часы ожидания приговора.

Женя сидит рядом на стуле. Локти на коленях, пальцы сцеплены в замок. Он будто сам по себе, в ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.